

Кризис, модернизация и сетевые системы

Яницкий О.Н., Институт социологии РАН, <yanitsky@isras.ru>

1. Кризис, обнаживший слабые места мировой и российской экономической и политической систем, позволяет задуматься над философскими и социально-экологическими проблемами развития сетевого общества в стране и мире. Практика сетевизации дает достаточно материала для такой постановки вопроса. Главный из них, как представляется, состоит в следующем: является ли сеть только новым инструментом социальной коммуникации, или же потенциально она способна изменить всю социально-политическую структуру общества?

2. Очевидно, что: (1) сетевизация не предотвратила кризиса и не защитила общество от него, потому что сеть – это «сообщество здесь и сейчас»; через день, неделю, месяц, оно может стать иным; (2) поэтому сеть не способствовала предупреждению общества о грядущем обвале и не предложила ему никаких способов защиты; (3) однако она способна быстро организовать людей и/или экспертов для анализа и выработки решений относительно уже случившихся аварий и катастроф, как это было с Саяно-Шушенской ГЭС; (4) сеть продолжает служить развитию потребительского общества; (5) сети глобальны и горизонтальны, но контролируются они из немногих точек, находящихся за пределами РФ; (6) инструментальная функция сети преобладает: сеть есть прежде всего средство *обмена* (информацией, знаниями, ноу-хау) и в значительно меньшей степени – *идентификации*, то есть для объединения, взаимопомощи и выработки общих целей. То есть унифицирующая функция сети преобладает над функцией увеличения и/или сохранения культурного разнообразия; (7) в сети идут те же процессы усиления порядка: появление все новых правил, барьеров, кодификация, необходимость следовать специфическому «языку сети» и т.д., значит, отношения власти и

влияния есть и в сети, но пока они носят мягкий характер; (8) принуждение и насилие, став «точечным» и «дистанционным», отнюдь не уменьшились: к примеру, сегодня военными действиями можно управлять из точки, находящейся на другой половине планеты (см. военные действия в Югославии, Ливане); (9) таким образом, сеть пока в основном воспроизводит в виртуальном пространстве уже существующие экономические, социальные и культурные размежевания.

3. Тем не менее: (1) общая горизонтальная организация глобального гражданского общества усиливается; (2) «близость дальних» (так называемая инверсия пространства) есть социальный феномен, одна из структурных характеристик глобальной экологии; (3) общественные объединения социальные движения и другие формы организации гражданского общества становятся все более сетевыми; (4) мобилизационный потенциал сети амбивалентен: он может использоваться как во благо, так и во вред людям и окружающей среде; (5) все же, «близость дальних» все чаще используется как средство взаимной поддержки, защиты базовых прав и свобод человека и малых территориальных сообществ.

4. Сеть и рынок – отдельная проблема. Несомненно, рыночные отношения все глубже проникают в сеть. Отток из России мозгов и замещение их неквалифицированной рабочей силой – наиболее очевидный результат из развития. Другой пример: ведущие компании мира, бесплатно вбрасывая в сети некоторый новый информационный продукт, «ловят» на эту инновационную наживку талантливых разработчиков по всему миру и, начиная с ними сотрудничать, в конечном счете получают огромные прибыли и международный престиж (например, в деле разработки новых лекарств, основанных на достижениях генной инженерии). Я уже не говорю о таких рутинных рынках, как создание и раскрутка сайтов, интернет-реклама и т.д. К сожалению, кризис не изменил этики лидера рынка – финансового капитала: «общие ценности уступили дорогу ценностям индивидуальных заслуг, о которых судят по размерам достатка» (Ж.П. Фитусси).

5. Похоже и сфера общественнознания все более подчиняется критериям рынка и публичного успеха: ценится только то, что хорошо продается и публично признается (З. Бауман). Вот интересная динамика: сначала международные социологические журналы электронные версии публикуемых статей вывешивались в сети с большим запозданием, сейчас – одновременно или даже с опережением бумажной версии. Сегодня тому же принципу следуют центральные газеты и ведущие радиостанции. Более того, крупнейшие международные издательства периодически устраивают «благотворительные дни и месяцы», выкладывая бесплатно в сети практически всю свою годовую продукцию. В прошлом году ведущие российские обществоведческие журналы обсуждали тему «экономического империализма» в социологии и других общественных науках. Думаю, что на очереди дискуссия по теме «информационного империализма». Однако, здесь есть одно принципиальное различие. Информационно емкие секторы экономики чувствуют себя весьма неуверенно в условиях несвободы и неопределенности правил игры, тогда как прибыли нефтегазовой и других ресурсных отраслей покрывают любые средовые риски.

6. Сеть и воспитание и образование – еще одно актуальное поле социологического интереса. Дистанционное обучение, «скачивание» текстов для последующей компиляции вместо медленного чтения/осмысления и затем самостоятельного изготовления некоторого интеллектуального продукта – это лишь самые очевидные последствия сетевизации/информатизации. Происходит формирование «посткнижной культуры» (М. Шугуров, Б. Дубин). Но, на мой взгляд, еще серьезнее такие последствия этой культуры как утери навыков письма, поскольку оно непосредственно связано с процессами мышления (селекции знаний, их усвоения, запоминания и др.). «Кнопочные дети» мыслят по-другому.

7. Еще более важно, что рынок *размывает базовые культурные нормы*. Например, с точки зрения закона об интеллектуальной собственности, использование интеллектуального продукта без лицензии или специального разрешения – это воровство. Но если этот массовый сегодня процесс повышает в

конечном счете интеллектуальный уровень тысяч студентов, аспирантов и молодых инженеров, то это «благое дело». Вообще, учитывая быстрое развитие индустрии хакерства, этого неотъемлемого спутника рыночных отношений, развитие сетей интенсифицирует процессы производства-распространения интеллектуального продукта.

8. Что уже дала сетевизация России? (1) она усилила отчуждение общества от власти. Люди все чаще пытаются решить свои насущные проблемы через сеть; (2) сеть есть механизм, усиливающий отток молодежи из регионов России; (3) сеть в еще большей степени, чем телевидение, доступно и наглядно демонстрируя размежевание на богатую (столичную) и бедную (периферийную) Россию, тем самым усиливает социальную напряженность в обществе; (4) одновременно сеть, будучи публичной площадкой для самовыражения, может снижать эту напряженность; (5) тем не менее, сеть сегодня – практически единственный ресурс социальных сил, борющихся за демократическое переустройство общества.

9. Взаимоотношения сети, точнее сетевого гражданского общества, и власти-собственности (то есть системы) двойственны. Пока сеть служит интересам общества потребления, пока она способствует вытягиванию наиболее продвинутой молодежи из российской глубинки, одновременно удешевляя ее стоимость на рынке труда, увеличивая конкуренцию в высших учебных заведениях и тем самым облегчая решение таких непопулярных проблем как закрытие старых предприятий и даже целых городов, и, пока, – и это главное, – она *не затрагивает* основ политической системы России, она относится к сети в общем нейтрально. Для власти хорошо, когда сеть используется для индивидуализации и «играизации» общества (Л. Ионин, С. Кравченко), «раскрутки» и «самопровозглашения» мнимых авторитетов (Н. Покровский).

Но как только активность сети «спустится с небес на землю», виртуальные сообщества материализуются в виде протестных и других социальных движений, которые требуют сначала общественного контроля над государственными институтами и финансовыми потоками, а затем и своей легитимации как субъекта

властных отношений, власть будет жестко прессинговать сетевые сообщества.

10. Вот их основные противоречия. Сеть – открытая система, власть-собственность – закрытая, и это главное. Другое состоит в том, что сеть подвижная система, а существующий порядок допускает лишь символические и/или косметические изменения, иначе он рискует утратить свои привилегии. Третье в том, что сеть – это объединение продвинутых людей, ориентированных на модернизацию, постоянное изменение самих себя (сеть это один из ключевых структурных элементов «текущей модернити», по З. Бауману), тогда как система опирается на верноподданных, исполнителей. Четвертое в том, что главным ресурсом сети является знание, тогда как системы – газ, нефть и другие природные ресурсы. Знание в отличие от последних при употреблении не истощается, а, напротив, накапливается. Если мы стремимся построить «общество знаний», то это не должно быть обществом, где знания будут таким же инструментом господства и эксплуатации, каким сегодня является финансовый капитал. «Сначала надо построить общество, в котором акты личного самовыражения будут цениться выше, чем изготовление вещей или манипуляция людьми» (И. Иллич). Наконец, сеть – это горизонтальное самоорганизующееся сообщество, объединение свободных людей, тогда как система – это вертикаль господства и подчинения. Отсюда мой прогноз: период «демократии и гласности» российской сети скоро закончится.

11. Итак, во всем мире сеть, первоначально бывшая технической инновацией, сегодня превратилась в структурный элемент экономики и политики развитых стран, способствуя их переходу ко второму модерну. Можно утверждать, что сеть как инструмент и как социальная коммуникация есть *неотъемлемый элемент второго модерна*, поскольку она способствовала изменению способов регулирования социального порядка: переходу от вертикального управления из некоего «центра» (government) к сети взаимодействия конкурирующих интересов, вырабатывающих взаимоприемлемые решения (governance). Отсюда, горизонтальные сети суть одновременно и инструмент, и структурная характеристика демократического устройства общества, в

частности, автономии гражданского общества. В России инструментальные задачи (создание электронного делопроизводства и электронного правительства) отделены от сущностных, социальных: участники социальных сетей пока практически отчуждены от решения стратегических проблем модернизации.

Поэтому сегодня и «социология социальных сетей» имеет преимущественно технократическую ориентацию: она все еще исходит из технических возможностей сети, а не из требований человека к государству и обществу, к состоянию их природной и социальной среды.

16.11.2009